УДК 94(437.3)+94(470)"1914/1918"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/61/5

СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВАЦКО-РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПАМЯТИ Л. ШТУРА)

М.В. Ведерников
Институт Европы РАН
Россия, 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3
E-mail: vishma@mail.ru

Авторское резюме

С началом Первой мировой войны (1914–1918 гг.) страны-участницы начали активно способствовать возникновению на собственной территории сепаратистских движений, которые ставили целью разрушение основ вражеских многонациональных империй. Для российских властей особый интерес представляли земляческие сообщества славянских народов Австро-Венгрии, которые громко заявили о желании разрушить Габсбургскую империю. Одной из наиболее активных диаспор стали чехи, которым в первый месяц войны удалось дважды встретиться с Николаем II и добиться формирования Чешской дружины. Впрочем, чешский вопрос, изначально вобрав в себя и словацкий ввиду этноязыковой близости двух народов, оголил существенные противоречия. Они касались того, что активная часть словацкой политической элиты, проживавшей в России, высказалась против проекта образования единого чешско-словацкого государства, поскольку им была близка идея присоединения Словакии к России. Для популяризации этих идей в Москве создается Словацко-русское общество памяти Штура, которое получило поддержку как со стороны представителей российской общественности, так и от крупнейшей словацкой колонии в США. Содействие столь значимых акторов вынуждало чехов искать пути урегулирования конфликта со словаками, что, несомненно, вело и к актуализации словацкого вопроса. Впрочем, сделанные в период 1915–1916 гг. уступки не способствовали решению конфликта. В статье на основе использования новых архивных источников и актуальной историографии делается вывод о том, что наличие множественных конфликтов содействовало кристаллизации чешско-словацкой национальной идеи, избавило ее от асимметрии и вывело словаков в разряд равноправных партнеров.

Ключевые слова: Первая мировая война, национальные движения, русские словаки, русские чехи, Словацко-русское общество памяти Л. Штура, Штефаник, Кошик.

THE SLOVAK QUESTION DURING THE GREAT WAR (A CASE STUDY OF L. ŠTUR SLOVAK-RUSSIAN SOCIETY)

M.V. Vedernikov
Institute of Europe RAS
11-3 Mokhovaya Street, Moscow, 125009, Russia
E-mail: vishma@mail.ru

Abstract

With the outbreak of WWI (1914–1918), the participating countries began to promote separatist movements on their own territory, which aimed to destroy the foundations of hostile multinational empires. Of particular interest to the Russian authorities were the compatriots of the Slavic peoples of Austria-Hungary, who loudly declared their desire to destroy the Habsburg Empire. One of the most active diasporas was the Czechs, who managed to meet with Nicholas II twice in the first month of the war and achieve the formation of the Czech squad. However, the Czech question, initially incorporating the Slovak one due to the ethnic and linguistic proximity, exposed significant contradictions. An active part of the Slovak political elite living in Russia opposed the formation of a single Czech-Slovak state, because they were close to the idea of Slovakia's accession to Russia. To popularize these ideas, a Slovak-Russian society named after L. Štur was established in Moscow. It received support from the outstanding Russians as well as the largest Slovak diasporas in the United States. The assistance of such important actors forced the Czechs to look for ways to resolve the conflict with the Slovaks, which undoubtedly led to the mainstreaming of the Slovak question. However, the cessions of 1915–1916 failed to resolve the conflict. Drawing on new archival sources and current historiography, the author concludes that the presence of multiple conflicts contributed to the formation of the Czech-Slovak national idea, which was free from asymmetry, and made Slovaks equal partners.

Keywords: World War I, national movements, Russian Slovaks, Russian Czechs, Slovak-Russian Society in Memory of L. Štur, Štefanik, Košik.

Степень изученности чешско-словацкого национального движения в годы Первой мировой войны можно охарактеризовать как высокую. После окончания международного конфликта коллектив авторов, собравшийся в стенах военного института «Памятник сопротивления», начал деятельность, связанную с публикацией многочисленных трудов (вышло в свет 95 книг). На их страницах давалась оценка прошедшим событиям, описывался процесс обретения чехословацкой государственности. Впрочем, под влиянием тенденций, царивших в межвоенной Чехословакии, исторические труды отличались однобокостью исследуемых процессов. Можно говорить о формировании т. н. легенды Масарика, которая распространилась и на последующие работы [23; 24; 28]. Лейтмотив произведений сводился к констатации того, что чехословакизм (идея о существовании единого чехословацкого народа), ставший идеологическим стержнем нового государства, был единственно возможным вариантом его политико-национального устройства. Общественные деятели, которые рассматривали иные варианты развития (автономная Словакия, федеративная Чехословакия, Словакия в составе романовской империи), провозглашались сепаратистами, панславистами, царефилами, русофилами и пр. Особая позиция словацких деятелей в отношении будущего своей родины, которая никогда не была частью чешских земель, игнорировалась. Можно только отметить появление нескольких работ, посвященных исключительно словацкому вопросу, но которые были написаны сторонниками идеи чешско-словацкого единства, что не могло продемонстрировать объективную позицию [19; 22; 27].

С установлением коммунистической власти в 1948 г. публикация трудов, в которых бы описывались словацкие античешские, русофильские течения, также затруднялась ввиду новой интернациональной и антиимпериалистической идеологии. В течение сорокалетнего периода в свет вышло лишь несколько работ, которые при сохранении их обобщающего характера сильнее, чем другие, освещали словацкую тематику [18; 26].

Впрочем, о появлении трудов, посвященных словацкому национальному движению, можно говорить после раздела Чехословакии на два независимых государства в 1993 г., когда словацким властям потребовались доводы для обоснования правильности «бархатного развода», а ученые не были ограничены идеологическими барьерами [21; 23]. Подобное «интеллектуальное раскрепощение» было характерно и для отечественных специалистов. Однако, несмотря на открывшиеся возможности, на данный момент нельзя сказать, что тема словацкого национального движения полностью раскрыта. Тематическое расширение исследований натыкается на проблему

отсутствия доступной источниковой базы. Восстановление истории словаков происходит практически по крупицам, разбросанным по разным архивам. В этой связи выявление неизвестных документов, которые проливают свет на новые страницы жизни словацкой колонии в России, дает возможность посмотреть по-новому на деятельность словаков в империи Романовых, оценить ее размах, влияние и перспективы, которые не были реализованы прежде всего из-за случившейся в феврале 1917 г. русской революции. В статье предпринята попытка осветить некоторые аспекты деятельности Словацко-русского общества памяти Людовита Штура, которое занимало особое место в актуализации словацкого вопроса в годы Великой войны.

Актуализация чешско-словацкого вопроса в первые месяцы Великой войны

После начала Первой мировой войны страны-участницы – как в лагере Центральных держав, так и Антанты – стремились активизировать национальные движения на территории своих противников для того, чтобы усилить центробежные тенденции в рамках многонациональных империй. Использование такого инструментария, прежде всего в отношении Австро-Венгрии и России, было продиктовано желанием ослабить неприятеля, который накануне мирового конфликта демонстрировал заметные трудности в межнациональных отношениях [2: 52]. О пестроте национального состава Дунайской монархии[1], например, свидетельствует тот факт, что приказ о мобилизации был издан на 15 языках. Несомненно, внутренняя дестабилизация, отсутствие единства в армии и в обществе должны были привести к более быстрому разгрому врага и завершению войны.

Подобным образом поступила российская сторона, которая в начале августа 1914 г. опубликовала воззвание Верховного главнокомандующего Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии. В нем сообщалось, что Россия, «не раз проливавшая свою кровь за освобождение народов от иноземного ига… несет теперь свободу и осуществление ваших народных вожделений» [14: 51]. Намерение военных подтверждал и руководитель внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонов, который говорил, что целью войны является «освобождение народов для обособленного бытия, на национальных основах» [1: 156]. Такие заявления вызывали бурное одобрение со стороны некоторых земляческих сообществ на территории России и вели к активизации их деятельности, которая проявлялась в усилении политических контактов с органами российской власти и увеличении количества добровольцев, желавших вступить в российское войско.

Особенно активны были представители чешской общины, которые за первый месяц войны сумели не только встретиться с императором Николаем II в Москве, но и договориться в Военном министерстве об учреждении особого национального военного формирования в рамках российской армии, т. н. Чешской дружины [22: 19]. Следующим успехом чешской общины было создание политического органа чехов и словаков, проживавших в России. Далее, в начале сентября представители данного Совета чехов были приглашены на аудиенцию к российскому монарху в Петроград, на которой удалось представить его вниманию «Записку о восстановлении Чешского королевства» [14: 65].

Наравне с чешскими интересами «русские чехи» начали отстаивать интересы и словаков, которых они с самого начала своей деятельности рассматривали в качестве составной части единого чешско-словацкого народа[2]. Так, в ходе встречи с самодержцем было заявлено о решительном желании создания единого «чешско-словацкого королевства», что было воспринято им в положительном смысле. Более того, он проявил большой интерес к словацкой проблеме и задал несколько уточняющих вопросов присутствовавшему на встрече словаку, руководителю варшавской Чешско-словацкой беседы Йозефу Орсагу об условиях проживания народа в Австро-Венгрии, о готовности объединения с чехами и о границах будущего государства. В свою очередь последний рассказал о притеснениях словаков со стороны Австро-Венгрии, готовности слияния с «братьями-чехами» и желаемых границах новой страны. Позднее Орсаг подчеркивал особый интерес императора к этому вопросу, поскольку из 40 минут, отведенных на разговор с чешской делегацией, 25 минут было уделено словацкой тематике [7: 54; 22: 6–7].

Николай II обратил пристальное внимание на границы будущего государства чехов и словаков и попросил присутствовавших обрисовать их на карте. Они видели их следующим образом: от южного конца Чехии по существовавшему на тот момент водоразделу между Верхней и Нижней Австрией по направлению к Дунаю. Далее, на юг вдоль этой реки включительно до Вены, которая должна была войти в состав нового государства из-за того, что «настоящих немцев в ней было не более одной четвертой части всего населения», остальные – славяне или их «онемеченные собратья». От Вены по Дунаю до Вацова (сейчас – г. Вац, Венгрия), где река поворачивает на юг, «от Вацова к этнографической границе между чехословаками и русскими, по границе Галиции, Силезии и России на севере до Бреслау (сейчас Вроцлав, Польша) и на западе к Худове». Высказывалось предпочте-

ние присоединить к Чехии как автономную часть Верхнюю и Нижнюю Лужицы [14: 70]. Николай II поинтересовался насчет общей границы между Россией и государством чехов и словаков, на что получил ответ, что ввиду присоединения Галиции к России появится «непосредственная зона соприкосновения на протяжении 30–35 верст» [30]. Стоит отметить завышенные ожидания делегатов относительно будущих границ, которые не обосновывались этнографическим ареалом расселения чехов и словаков. Впрочем, это можно объяснить атмосферой первых дней войны, когда существовало представление о быстром завершении военного конфликта и полном разгроме Центральных держав. В дальнейшем чешско-словацкие представители стали делать акцент на том, что они будут ориентироваться на волеизъявление российской стороны, которая «после победоносной освободительной войны» самостоятельно установит границы, руководствуясь этнографическим принципом [14: 78]. Они отмечали, что «среди прочих славянских областей чешско-словенская область имела наиболее точные и определенные этнографические границы» [14: 116]. Однако послевоенное устройство Чехословакии говорит об обратном, особенно в отношении словацкого населения – около 200 тыс. словаков оказались в Венгрии.

Возникновение словацко-русского общества в Москве

Несмотря на то, что в ходе аудиенции было заявлено о принципиальной готовности словаков объединиться с чехами, данная позиция не отражала взгляды всей словацкой общины, проживавшей на территории Российской империи[3]. В конце 1914 – начале 1915 г. по мере расширения деятельности чешских обществ, которые продвигали идею о чешско-словацком государстве, среди словаков, не согласных с подобной политической концепцией, зрело недовольство, и разрабатывались планы самостоятельного выступления перед российскими властями. Согласно их представлению, «Словакия должна была быть присоединена к Российской империи как автономно-независимое целое» [14: 189].

Возмущение этой группы словаков, которые прежде всего концентрировались в Москве, вполне объяснимо, поскольку на первых порах действия чехов и примкнувших к ним варшавских словаков, которые позитивно воспринимали чешскую политику, не учитывали даже формальных словацких интересов. Анализ первых программных документов не дает четкого представления о будущем государственно-правовом положении Словакии в рамках единого государства, о статусе словацкого языка и др. Более того, исключение из названия

центральных органов, политических заявлений и программных документов упоминаний о Словакии (напр., Совет чехов, Союз чешских обществ) наводило на мысль о возможном растворении словацкого элемента в более многочисленном, культурно развитом чешском народе [7: 55].

Ответной мерой стало учреждение независимого от чешских органов политической власти словацкого общества. Впрочем, между моментом возникновения самой идеи и ее реализацией прошел достаточно долгий срок, который отмечен, с одной стороны, решимостью московских словаков основать Словацко-русское общество памяти Людовита Штура, а с другой – попытками сторонников чешско-словацкой ориентации пойти на уступки.

Отправной точкой деятельности Общества Штура (ОШ) можно считать 24 февраля 1915 г., когда «русские словаки» обратились с просьбой к камергеру императорского двора историку Л.М. Савелову организовать словацкое общество [12: 156]. Во многом подобное решение было обосновано тем, что в те дни (22–26 февраля) в Москве проходил съезд Союза чешских обществ, участие в котором московские словаки проигнорировали[4]. Царившие там настроения свидетельствовали о нежелании чехов учитывать их интересы, что проявилось в озвученном проекте создания Чешского королевства, в отказе признать самобытность словацкого языка и в тенденциях возникновения после войны диктата Праги – подобно тому, который словаки испытывали со стороны Будапешта. Недовольство также усилилось после того, как стало известно, что в правлении союза не был представлен словацкий элемент [30].

В этой связи решение об основании ОШ при участии русской стороны было логичным: объединение с представителями России служило демонстрацией русофильской ориентации словаков в противовес чешско-словацким объединениям, где присутствие россиян, согласно уставу, не допускалось. Далее, Словацко-русское общество вызывало меньше подозрений со стороны властей и пользовалось большей поддержкой ввиду участия в нем видных представителей интеллектуальной и политической элиты. Отметим, что поддержку выразили видные российские ученые, имевшие вес в высших кругах: историки Ф.Ф. Аристов и В.А. Францев.

Впрочем, данные обстоятельства не избавили его членов от ожидания регистрации общества в МВД, которая продолжалась вплоть до 3 августа 1915 г. 20 августа состоялось учредительное заседание в доме Савелова, который стал председателем, а его заместителем – Ф.И. Тютчев, внук прославленного поэта. Помимо московского актива, членами ОШ записалось около 150 словаков, проживавших в про-

винции. Спустя два года в обществе состояло 264 чел.: 222 словака, 19 чехов, 18 русских, 1 поляк, 1 серб, 1 хорват и 1 русин [8: 100].

Между тем до начала официальной деятельности представители ОШ начали проводить активную пропаганду словацкого движения, контактировали с органами власти, вели переписку со словацкими военнопленными и соотечественниками за рубежом. К началу апреля 1915 г., накануне Пасхи, относится «Обращение основателей общества к соотечественникам», в котором озвучивались основные цели организации: 1) познакомить российский народ с потребностями словаков для их последующего сближения; 2) оказать помощь в установлении контактов между словацкими и русскими учеными, интеллигенцией, журналистами и предпринимателями; 3) способствовать освобождению словацких военнопленных; 4) содействовать словакам в выдаче документов, подтверждающих их словацкое происхождение, для дальнейшего трудоустройства. Также в документе указывалось желание провести 12 мая 1915 г. съезд словаков России, на котором должен был быть разработан меморандум для его последующего вручения императору и Главковерху Николаю Николаевичу. В нем предполагалось озвучить планы о присоединении Словакии к России [30]. В письме секретаря ОШ В. Духая Ивану Дакснеру в Питтсбург говорилось уже о планах организации съезда 24 мая, который, впрочем, не состоялся из-за того, что устав не был утвержден правительством [8: 86]. В дальнейшем в обнаруженной переписке можно найти сведения о переносе мероприятия на июнь, которое также не было проведено по аналогичной причине. Говоря о факторах переноса словацкого съезда, стоит отметить желание «штуровцев» продемонстрировать его общенациональный характер и поддержку со стороны российских властей. Вплоть до мая 1915 г. она была на высоком уровне, однако после Горлицкого прорыва, который свел на нет успехи русской армии на Юго-Западном фронте, внимание как к словацкой, так и к чешской проблематике стало ослабевать [25: 15].

Не успев провести съезд на волне интереса к словакам, когда русские войска находились на словацких землях, «штуровцы» начали стремиться усилить звучание своего голоса, заручившись поддержкой земляков из Соединенных Штатов. Важно иметь в виду, что на тот момент в США проживало около 700 тыс. словаков, которые были хорошо организованы, выпускали несколько газет и на начальном этапе войны не разделяли однозначно идею единого чешско-словацкого государства [28: 66–67]. Неудивительно, что московские словаки активизировались именно в этом направлении, установив контакт с представителями т. н. автономистского течения, прежде всего

с секретарем Словацкой лиги в Америке И. Дакснером. Сложности коммуникации, не дававшие возможность глубоко понять положение вещей, привели к признанию ОШ как представителя словацких интересов на территории Российской империи в обход Союза чешских обществ. И поэтому «штуровцы» прилагали усилия, чтобы в Россию прибыл представитель Словацкой лиги для участия в общесловацком съезде, поскольку его присутствие дало бы «во всем перевес» [14: 189] ввиду численного превосходства американской диаспоры над всеми остальными земляческими сообществами.

Недопонимание между двумя родственными народами вело к необходимости избавления от него. Шаг навстречу московским словакам был сделан со стороны петроградских чехов, которые 30 мая 1915 г. в присутствии словацкого делегата Й. Орсага приняли «Заявление об отношениях чехов и словаков». В нем проговаривался самостоятельный статус словацкого языка, были озвучены планы по созданию краевого словацкого сейма, подтверждалась гарантия автономии Словакии в рамках единого чешско-словацкого государства. Впрочем, данное соглашение было подписано только со стороны союза, представители ОШ уклонились. Важно также отметить, что ранее во время московского съезда Союза чешских обществ по предложению Яна Рикси было принято решение о его переименовании в Союз чешско-словацких обществ. Однако официально смена названия произошла только в июне после получения одобрения со стороны МВД [4: 156].

Впрочем, «штуровцы» прекрасно понимали, что уступают правлению союза в материально-техническом обеспечении, пополнение которого происходило за счет значительной чешской колонии, возможности которой существенно превосходили словацкие. Особую важность в то время стали играть человеческие ресурсы. Последние становились особенно ценными ввиду разрастания масштабов деятельности. В этой связи большое значение как представители правления, так и ОШ придавали чешским и словацким военнопленным, которые начали появляться в России с самого начала войны. Их значительное количество, которое историки оценивают в 250 тыс. (среди них 30 тыс. словаков) [25: 23], было во многом связано не только с успехами русского оружия, но и с нежеланием славян, как отмечал член ОШ В.Д. Маковицкий, «обнажать меч против русских» [30]. Одной из важных задач становилась работа по освобождению соотечественников.

Таким образом, деятельностью, которая, по сути, укладывалась в компетенцию союза, стали заниматься и «штуровцы». Они хотели привлечь на свою сторону близких, как им тогда казалось, по взгля-

дам представителей словацких интеллектуальных кругов, которых можно было использовать на благо ОШ. Такое представление во многом обосновывалось стереотипами, существовавшими в отношении габсбургских словаков, которые якобы придерживались всецело русофильских взглядов и желали присоединения Словакии к России. Впрочем, как признавался в переписке В.Д. Маковицкий, он «мало знал про общественные дела» на своей родине, но был уверен в «беспощадном иге Венгрии», установленном над его соплеменниками. Он утверждал: «Я думаю, что совершенно излишне Вам писать о том, что все надежды и все глаза каждого словака пристально смотрят в одну сторону, откуда они ждут освобождения, и эта страна – Россия» [30].

Как отмечает М. Даниш, на начальном этапе деятельности ОШ получило значительный кредит доверия от словацких военнопленных [7: 63]. Объяснение этому он находит в том, что «штуровцам» сопутствовал успех в их освобождении. Однако доклад общества от февраля 1917 г. информирует, что за два года удалось освободить лишь восемь словаков, из которых только трем было разрешено поселиться в Москве. Впрочем, несмотря на их немногочисленность, речь шла о соотечественниках, которые могли оказать существенное влияние на расширение и усиление политической программы, базировавшейся на платформе «всеславянского единства». Среди них были Ян Яничек, Иван Маркович, Йозеф Грегор, Йозеф Газарек, Янко Есенский [12: 157] и др. – словаки, которые, по первоначальному представлению «штуровцев», твердо стояли на царефильских позициях и были идейно к ним близки. Однако, как показывает дальнейшее развитие событий, многие из них, высвободившись из плена, начинали подвергать сомнению курс ОШ [22, 27].

Другим фактором, который оказывал влияние на словацких военнопленных в ориентации на ОШ, был уже упомянутый факт признания общества со стороны американской Словацкой лиги, что подтвердилось на страницах как русской прессы, так и официального печатного органа Союза чешско-словацких обществ «Чехословака». Стоит отметить, что важность словацкой тематики на страницах газет возрастает после прибытия в Петроград из плена И. Марковича, с 1900 по 1914 г. редактора словацкого журнала «Пруды». Попав в российскую столицу, он выступил против линии «штуровцев» и начал осуществлять журналистскую деятельность, нацеленную на популяризацию словацкой тематики на страницах «Чехословака», который, по его мнению, должен был служить на благо исполнения озвученной программы союза [23].

Событием, которое подточило позиции ОШ, стало подписание между американской Словацкой лигой и Чешским национальным

объединением (22–23 октября 1915 г.) Кливлендского соглашения. Обе организации выступили за сплочение чешского и словацкого народов в федеративном союзе с абсолютной автономией Словакии, с собственным парламентом, со словацкой государственной администрацией, с полной культурной свободой, в т. ч. в сфере использования словацкого языка [6: 132]. Тем самым представители чехов и словаков в США выразили поддержку деятельности заграничного движения сопротивления, представленного в лице Томаша Гаррига Масарика, который был главным инициатором этой договоренности и в своей деятельности делал ставку на Францию и Англию [23; 24: 19]. Несмотря на его официальные заявления, что во главе будущего государства будет представитель династии Романовых [9], его планы в реализации чешско-словацких политических проектов были прежде всего связаны с западными демократическими государствами. Заигрывание с российскими властями, «внешнее русофильство» проистекали из прагматичных соображений, которые основывались на позиционных успехах империи Романовых в войне и наличии на ее территории значительных чешско-словацких воинских контингентов, которые можно было использовать для реализации поставленных задач [3: 127].

В России сведения о заключенном соглашении стали публичными в конце декабря 1915 г. на страницах «Чехословака». Как отмечал главный редактор издания, словак по происхождению Богдан Павлу, «после Кливленда политическая концентрация чешско-словацкой эмиграции закончена… надеюсь, что удастся обеспечить будущее словацкого народа» [15: 5–6]. Несомненно, что обнародование данных сведений, которые спустя несколько недель дошли до мест заключения военнопленных, оказало существенное влияние на взгляды помещенных туда словаков. Положение ОШ пошатнулось, и это усугублялось тем, что у него не было собственного печатного органа, посредством которого можно было бы транслировать свои взгляды на широкие массы.

Несмотря на значимость произошедшего, «штуровцы» не собирались подчиняться общей дисциплине, к которой призывал союз. В свою очередь можно констатировать усиление конфронтации между московскими словаками и чехами в первой половине 1916 г.

Правление союза вслед за публикацией сведений о Кливлендском соглашении принимает решение нейтрализовать влияние ОШ. 8 января 1916 г. состоялось заседание расширенного совета Союза чешско-словацких обществ, в центре внимания которого находились вопросы, затрагивавшие чешско-словацкие отношения. Самым важным решением, которое касалось непосредственно ОШ,

стало заявление об исключительном праве союза представлять интересы чехов и словаков на территории России. Также говорилось о недопустимости членства в обществах, которые не признавали программу и цели союза [16: 4]. Тем самым, можно говорить о том, что были приняты меры по лишению «штуровцев» организационно-правовой базы деятельности.

Удивительно, но, несмотря, на Кливлендское соглашение, Словацкая лига продолжала рассматривать ОШ в качестве представителя словаков в России. Об этом было сообщено 23 марта 1916 г. в официальном заявлении американской организации, которое появилось на свет в ответ на обращение союза по поводу его признания единственным репрезентантом интересов словаков [17: 6]. Сотрудники союза объясняли это неосведомленностью лиги в российских делах и возлагали надежду на приезд в Россию ее представителя. Такое положение вещей осложняло работу союза, который попадал в двойственное положение: с одной стороны, была обязанность продвигать линию парижского центра[5], а с другой – необходимость уживаться со «штуровцами».

Демонстрацией возраставшего значения словацкой тематики стал II съезд Союза чешско-словацких обществ, прошедший 13–20 апреля 1916 г. в Киеве. Из 61 делегата 9 были словаками, которые представляли пять земляческих обществ: Я. Орсаг, Й. Грегор Тайовский, В. Хованчик (Чешско-словацкая беседа в Варшаве), Я. Корман, Г. Павлины, М. Руппельдт (Чешско-словацкое общество в Москве), В. Духай (Чешско-словацкий комитет в Москве), Й. Орсаг (Чешско-словацкое общество в Квасилове на Волыни), И. Маркович (Чешско-словацкое общество в Петрограде).

Обсуждение словацкого вопроса состоялось 15 апреля на пленарном заседании, на котором, по словам обозревателя «Чехословака», не было «чешско-словацких споров». Центральное место в дискуссии отводилось вопросу, касавшемуся словацких военнопленных, которые к весне 1916 г. продемонстрировали себя как «наименее пробужденный и наиболее забытый» славянский элемент, не показывавший желания бороться за свое освобождение из-под власти Австро-Венгрии. Отсутствие национального самосознания объяснялось мадьяризацией системы образования и государственного управления на родине в предвоенное время. В этой связи задачей союза становилось пробуждение словаков к новой жизни путем отправки в лагеря военнопленных словацких эмиссаров, которые должны были агитировать вступать в ряды формировавшихся в России чешско-словацких воинских частей[6].

Нужно иметь в виду, что, помимо разногласий между чехами и словаками, не было единства и внутри чешского лагеря. Москва, будучи идейной столицей славянофильства, оказала влияние и на местные чешские организации, во главе которых встали представители схожих взглядов. Так, председателем крупнейшего чешского общества – Чешско-словацкого комитета – был Сватоплук Коничек, личность во многих отношениях сомнительная, которого его соотечественники обвиняли в сотрудничестве с Охранным отделением. Он объяснял этот «чешско-чешский» конфликт тем, что после ухода российских войск из Галиции и Польши (весна 1915 г.) среди чехов началась борьба между «двумя блоками: сепаратистами-западниками (реалистами и социал-демократами немецкой школы) и унионистами-русофилами (подавляющее большинство народа)» [5].

В обстановке усиления позиций первой группы 25 января 1916 г. в Москве было сообщено о возникновении нового Чешско-словацкого общества, устав которого незадолго до этого был одобрен МВД. В «Чехословаке» в обтекаемой форме указывалось, что оно создавалось для того, чтобы «избежать потери времени, защищая собственные интересы перед лицами, имеющими иные взгляды» [17: 5]. Несомненно, что общество возникало в качестве противовеса как «штуровцам», так и обществу Коничека, которые были близки по взглядам. Так, глава нового общества Я. Рикси в письме правлению писал о несоответствии заявленных в его уставе целей, направленных на создание самостоятельного чешско-словацкого государства, и реальной деятельности, которая шла в направлении развития «идей преданности славянству и его покровительнице России в виде объединительного панславизма» [4: 168–169].

Следующая конфликтная линия проявилась после смены месторасположения правления союза, которое переместилось из Петрограда в Киев. Причины коренились в разном понимании киевлянами и петроградцами принципов формирования войска. Так, если предыдущее правление полагало, что поступление в ряды чешско-словацкой армии должно было проходить на добровольных началах, то их сменщики считали, что каждый изъявивший желание освободиться из лагеря военнопленных должен был дать согласие на вступление в войско. В случае возникновения подходящих обстоятельств такой резервист должен был быть мобилизован без промедления. Рассматривая добровольность как инструмент взращивания национального и славянского самосознания, представители Петрограда склонялись к тому, что «радикальный тон» Киева приведет к отказу многих чехов и словаков, ранее согласившихся пойти на фабричные и строительные работы, от вызволения из мест заключения. По их мнению, в обста-

новке полученного 8 апреля 1916 г. согласия со стороны императора Николая II на освобождение всех военнопленных славянского происхождения и начала соответствующего подготовительного процесса перспектива массового игнорирования работ на благо «великой славянской империи» становилась чрезвычайно высокой. Это в свою очередь оказало бы существенное негативное влияние на образ чешско-словацких военнопленных в глазах российских властей, которые и так относились с подозрением к славянам, которые один раз уже нарушили свою присягу [4]. Несмотря на то что сами военнопленные рапортовали, что данное известие было воспринято ими одобрительно и не привело к изменению настроений [30], их соотечественники «на свободе» стремились оказать влияние на данный вопрос.

Миссия Г. Кошика в России

В обстановке нарастания спора между чехами после апрельского съезда [23: 10], казалось бы, чешско-словацкие противоречия должны были отойти на второй план. Однако стоит констатировать усиление пессимистических настроений. Так, в середине июня Маркович в письме Гавору описывал сложившуюся обстановку следующим образом: «Не хочу обманываться, но у меня есть такое предчувствие, что "штуровцы" нашли бы в Словакии если не большинство, то все-таки многих, которые с ними согласились. Сложно бороться с мартинской идеологией, на которой многие из нас воспитывались». Отсутствие открытых выступлений против оппонентов он объяснял тем, что не хотел прибавлять «к спору между Петроградом и Киевом» чешско-словацкий конфликт, который бы обязательно попал на страницы российской прессы, с которой представители ОШ имели хорошие контакты. В таких неприглядных обстоятельствах особое значение придавалось миссии американского делегата, который мог оказать влияние на расстановку сил в словацком политическом лагере, «сняв политическое благословение с ОШ». Маркович подытоживал: «Мы грешны перед Америкой, поскольку не информировали ее вообще, в то время как "штуровцы" сообщали им все что угодно» [30].

Решение об отправке делегатов Словацкой лиги в Европу было принято на ее IX конгрессе, который прошел 22–23 февраля 1916 г. За океан отправились Штепан Осусский и Густав Кошик, которые первоначально прибыли во Францию, где ознакомились с деятельностью Чешско-словацкого национального совета (ЧСНС) в Париже. Согласно принятому решению, путь в Россию продолжил только Г. Кошик, который приехал туда в начале августа в сопровождении зампреда ЧСНС М. Штефаника, французского гражданина

словацкого происхождения [18]. Официальная миссия последнего сводилась к получению разрешения от российских властей на вербовку чешских и словацких военнопленных для формировавшейся чешско-словацкой армии во Франции [8: 104; 18]. Впрочем, существовала и иная задача, заключавшаяся в нейтрализации вреда от действий другого зампреда ЧСНС – Йозефа Дюриха, который ранее прибыл в Петроград со схожей целью, но начал проводить деятельность, шедшую вразрез с политической линией Т.Г. Масарика [13: 120]. Практически отказавшись от независимого статуса, в России он попал под сильное влияние МИД и соотечественников царефильской ориентации. Циркулировались слухи о планах по установлению контроля над союзом со стороны внешнеполитического ведомства и штаба Киевского округа [10: 19–28].

Если Дюрих был важен для разрешения прежде всего «чешско-чешских споров», то Кошик был необходим для обозначения линии политической ориентации словаков в России. Стоит отметить, что на него возлагались не меньшие надежды. К тому же первые впечатления от общения с ним позволяли думать именно так. Я. Яничек сообщал: «Мои впечатления от Кошика позитивные. Он смотрит на дело хладнокровно и практично. Он далек от теории, которая могла бы сблизить его с нашими неугомонными сепаратистами. Он выступает за совместную работу с союзом и против намерений "штуровцев"» [30].

Словацкая диаспора накануне встречи с Кошиком провела серию подготовительных совещаний – 3 августа в Москве и 13 августа в Петрограде, на которых обсуждался созыв всесловацкого съезда. Было принято решение о его проведении как можно скорее при условии участия «представителей всех ветвей словацкого народа, проживающих в России», и получения разрешения со стороны союза. Также на съезд был приглашен М. Штефаник, который в обстановке утраты Дюрихом авторитета приобретал особый вес как легитимный представитель ЧСНС. Как отмечает М. Кшинян, ему удалось «восстановить консенсус между различными организациями, ослабить личные и политические споры, которые раздражали российские власти» [8: 108].

Речь идет прежде всего о т. н. Киевском соглашении, которое было подписано 16 августа 1916 г. между представителями союза (В. Вондрак, Вольф) и ЧСНС в Париже (М.Р. Штефаник, Й. Дюрих) при участии Словацкой лиги (Г. Кошик) [14: 438–439]. На его основании военные и политические вопросы, дела, касавшиеся военнопленных, были переданы в ведение ЧСНС. Для словацкого движения в России данное событие играло важную роль, поскольку, как отмечает богемист Е.Ф. Фирсов, «"Киевское соглашение" поставило словацкий вопрос в

России в русло проводимой ЧСНС политической линии, направленной на объединение двух народов в рамках одного государства» [13: 129]. Впервые официально говорилось о признании чешско-словацкого движения в России частью зарубежной освободительной акции [29: 21–33].

Однако российские власти, с которыми не был согласован этот документ, отказались его признать. Спустя три недели, в начале сентября, императорское правительство в лице камергера М.Г. Приклонского, начальника Особого политического отдела, заявило о своем желании решить этот вопрос в другом направлении, а именно путем создания специального совета во главе с Дюрихом, не имевшего ничего общего с парижской организацией. Необходимость Чешско-словацкого народного совета (Нарсовета) обосновывалась тем, что «Франция и Англия проявляют живой интерес к славянским делам вообще и к чешско-словацким в частности, что и порождает враждебные России настроения» [5].

Несомненно, неудача, постигшая чехов и словаков, рассматривавших ЧСНС в качестве главной организации движения, была на руку их оппонентам, в т. ч. и представителям ОШ. Атмосферу конца августа – начала сентября 1916 г. можно охарактеризовать как ожидание краха освободительного движения, потери его самостоятельности, подчинения российским властям. Неизвестный автор в письме от 28 августа писал о том, что «каждое падение союза было выгодно для москвичей», которые, воспользовавшись ситуацией, начали активно продвигать свои взгляды. Прежде всего, речь шла о меморандуме Яна Квачалы, известного словацкого ученого, сторонника ОШ, который представил в МИД записку, где говорилось, что словакам «выгоднее связать свою релативную самостоятельность прямо с Россией, не зависи ни от кого другого» [14: 383–385]. В указанной переписке отмечалось, что данный документ очень навредил словацкому делу [30].

И все же большие надежды возлагались на словацких делегатов – Кошика и Штефаника, которые обладали мандатом для стабилизации обстановки. 22 сентября в Москве прошло словацкое совещание, на которое прибыл представитель американской лиги (Штефаник не смог по состоянию здоровья). Он отметил, что для успеха чешско-словацкого дела в России было мало сделано, «практически ничего». От него прозвучало предложение о проведении общесловацкого съезда. Сторонник союза Я. Орсаг ответил, что его созыв отсрочивался на неопределенное время до момента, когда «будут прояснены внутренние настроения». В свою очередь представители ОШ (Краличек, Духай) настаивали на скорейшем проведении

мероприятия. Удивительно, но в этом вопросе Кошик сближался во взглядах со «штуровцами», поскольку, по его мнению, это дало бы представителям словацкого общества преимущество при ведении переговоров [30]. Как отмечал И. Маркович в письме Й. Орсагу, этот вопрос стал причиной напряжения в отношениях с Кошиком. Последний намеревался поехать в Петроград за помощью к министру иностранных дел Б.В. Штюрмеру. Густав Паулини констатировал, что чрезмерная активность американца была вызвана не в последнюю очередь «ревностью» из-за повышенного внимания к Штефанику: его имя «стало подобно красной тряпке» [30].

Отказавшись от поездки в столицу, Кошик остался в Москве, где с конца сентября до середины октября активно взаимодействовал со «штуровцами». Его секретарем стал член ОШ Ю. Грашко, что дало почву для разговоров об «изменении его поведения в худшую сторону». В октябрьской переписке Марковича выказывалось беспокойство по поводу его возросших амбиций, которые начали переходить предусмотренные мандатом рамки. Своим поведением он демонстрировал желание стать «словацким Дюрихом», т. е. официальным представителем словаков в России. Подобная идея возникла у него после озвученного предложения «штуровцев» [30]. Московский словак, характеризовавший обстановку в конце октября, писал: «Плоды нашей совместной работы канули в Лету. Вместо добросовестной некорыстной работы преследуются слава и честолюбие, вместо народных идеалов – личные желания. Кошику было недостаточно помпы, с которой мы его встретили…» [30]. Я. Яничек подтверждает это наблюдение, распространяя его на все чешско-словацкое общество, которое находилось в сложном положении: «Политика не продвигается вперед. Каждый хочет быть генералом, а не простым солдатом» [30].

Необходимо отметить обособление словацкого вопроса осенью 1916 г. С одной стороны, 16 октября увидела свет программная резолюция «Наша цель», составленная словацкими военнопленными и подписанная Г. Кошиком [14: 508–509]. Как отмечает М. Даниш, словаки впервые открыто и однозначно выступили против идеи единой чехословацкой нации и за сотрудничество с чехами на принципах полного национального самоуправления и свободного самоопределения [7: 68]. Несомненно, что американский делегат способствовал вбиванию клина в предшествующую деятельность Штефаника и русских чехов, которые ратовали за единый «чехословацкий народ». С другой стороны, в начале ноября усиливаются позиции «штуровцев» на фоне переговоров о создании Нарсовета Дюриха и возможности приглашения к его работе Я. Квачалы. Хотя Я. Яничек характеризовал

своих оппонентов как людей недалеких, которые не видят разницы в «автономии, дуализме и федеративной форме», их влияние на «разложение общего дела» представлялось значительным.

Впрочем, в начале 1917 г. произошло усиление позиций ОШ на фоне утверждения устава Чешско-словацкого народного совета (2 января направлен в Совет министров, 10 января – утвержден). 8 января состоялось частное собрание словаков под председательством Я. Квачалы, на котором присутствовали Г. Кошик, В.Д. Маковицкий и еще 12 «штуровцев». В ходе встречи были приняты следующие решения и пожелания, касавшиеся работы Нарсовета: 1) общество соглашалось участвовать в его деятельности; 2) четыре его члена должны были быть словаками; 3) последние в словацких вопросах имели право вето; 4) зампред совета выбирался из словацких представителей; 5) обеспечивался доступ ОШ к финансовой отчетности Нарсовета. 13 января правление ОШ, заслушав данную резолюцию, постановило ее одобрить [30].

Как отмечал И. Маркович, который на Рождество был в Москве, этим решением «штуровцы» поставили крест на потенциальном соглашении между словаками. В этой связи единственным вариантом разрешения проблемы стала смена руководства ОШ на запланированном на 2 февраля собрании общества. Для этого 31 января на адрес многих рядовых членов общества пришло письмо, в котором описывались злоупотребления текущего правления. Прежде всего отмечалось, что в 1916 г. не было созвано ни одного общего собрания, и поэтому члены ОШ не могли реализовать те права, которые им гарантировались уставом (контроль за финансами, одобрение отчетов совета общества, избрание почетных и действительных членов общества) [30].

2 февраля состоялось общее собрание, на котором присутствовал 61 чел., из них 40 словаков [8: 99–101]. Центральным событием стал протест оппозиции, о котором было кратко упомянуто в официальном отчете. Он получил широкое освещение в личной переписке словацких политиков. Ю. Грашко отмечает, что «оппозиция» сумела привлечь на свою сторону 12 чел., в то время как их оппоненты, хорошо подготовившись, противопоставили 30 «штуровцев». Так, Я. Орсаг, голос «оппозиции», был «раскатан» настолько сильно, что ему пришлось покинуть помещение, заявив, что после случившегося он потерял желание заниматься политикой и был морально уничтожен. Я. Яничек высказывал сожаление, что те, кто хотел работать и был бы полезен словацкому делу, «оказались в обществе ростовщиков, как Ю. Грашко, и полицейских агентов, как С. Коничек» [30].

Перспектива общества двум политикам виделась по-разному.

Ю. Грашко считал, что в будущем вся политическая деятельность словаков станет концентрироваться вокруг ОШ; Я. Янчек был противоположного мнения: далее ОШ не будет ничего делать, поскольку для серьезной работы отсутствуют кадры, а те, что имеются, ни на что не способны. Несогласие с принципами работы ОШ выразил и американский делегат Г. Кошик. 20 февраля он направил в совет общества письмо, в котором подчеркивал недопустимость в дальнейшем использования его фамилии и аффилиации Словацкой лиги в деятельности ОШ. Он предупреждал, что «штуровцы» не имели права публично говорить, прикрываясь именем словацкого народа [30].

Не вызывает сомнений, что обстановка в феврале свидетельствовала о полном разочаровании словацкой общественности и общем упадке сил ввиду отсутствия согласия между соотечественниками и невозможности сопротивления инициативам, исходившим от российских властей. Последние окончательно подчинили чешско-словацкую акцию своему влиянию, и курс ее движения был не совсем понятен. Характеризует время фраза, упомянутая в письме И. Марковичу: «Темные силы наступают со всех сторон и мешают нашему делу… "штуровцы" поджидают удобный момент, чтобы захватить власть».

Впрочем, «светлый лучик в темном царстве» для словацкого и чешско-словацкого дела проявился в виде русской революции. Либералы, возглавившие Российское государство, испытывали симпатии к представителям зарубежного национального движения чехов и словаков и, соответственно, неприязнь к царефильским организациям, которые продвигали идею сближения России. В этой связи письма С. Коничека новому министру иностранных дел П.Н. Милюкову с просьбой не обращать внимания на «фантазии… партии, в народе почвы не имеющей» [5], не пользовались успехом и остались без ответа. Несомненно, с падением самодержавия и конструировавшей его идеологии перспективы ОШ, которое объединило вокруг себя силы, стремившиеся присоединить Словакию к России, были ничтожны.

Примечания

1. В Австро-Венгрии проживало 47 % славян (из них 10 % южных), 29 % немцев, 18 % венгров, 6 % итальянцев и румын [1: 155].

2. Важно отметить, что на территории словацких земель в Австро-Венгрии обитали, помимо самих словаков, также русины, которых зачастую причисляли к словакам ввиду языкового сходства. Согласно последней предвоенной переписи населения 1910 г., на словацких

землях проживало 2 916 657 чел., из них 96 528 русинов (3,4 % от общего населения Словакии, 21,6 % – от всех русинов венгерской части империи) [20: 127]. В то же время стоит обозначить тот факт, что представители российского военного командования в своей документации делали различие между этими народами, впрочем, характеризуя их «как политически благонадежных» и «дружественно настроенных» [14: 61, 100, 194]. Что касается чешско-словацких воинских формирований, то их организаторы старались сохранить их национальный характер, не допуская участия в деятельности лиц других национальностей. Так, командующий Чешско-словацкой стрелковой бригадой В.П. Троянов сообщал о случае, когда «в запасные роты приходили поляки, русины и даже венгры, которые выдавали себя за чехов, и только благодаря агенту союза (чешско-словацких обществ) удалось установить их происхождение и сейчас же вернуть в плен» [14: 513].

3. По подсчетам исследователей, накануне Первой мировой войны на территории России находилось около 2 тыс. словаков. Необходимо отметить, что точных данных никогда не было. Даже в последней официальной переписи населения 1897 г. словаки не числились в качестве отдельного народа, их считали вместе с чехами.

4. На съезде было два словака, которые представляли варшавскую Чешско-словацкую беседу.

5. В феврале 1916 г. в Париже был создан Чешско-словацкий национальный совет, ставший политическим центром чешского и словацкого освободительного движения за границей [26: 5].

6. Вплоть до 1918 г. в рядах чешско-словацких воинских формирований на территории России состояло лишь 1 711 словаков. В последующее время в Чехословацком корпусе прошли службу 5 104 (7,2 %) словака. Общее количество военнослужащих оценивается в 70 889 чел. [11: 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне. 1914. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.

2. *Бирюков С.В.* Сохранение Австро-Венгерской империи посредством федерализации в интересах ее славянских народов: утопия или упущенная возможность? // Русин. 2018. № 4 (54). С. 52–71. DOI: 10.17223/18572685/54/4

3. *Ведерников М.В.* Место России во внешнеполитической концепции Т.Г. Масарика накануне и в годы Первой мировой войны // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 122–129.

4. *Ведерников М.В.* Организованное политическое движение чехов в

России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. … канд. ист. наук. М., 2017. 277 с.

5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 63. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в Москве (охранное отделение) при московском градоначальнике. Оп. 50. 1917. Д. 24.

6. *Гопта И., Гоптова Л.* Чехословацкая Республика как новое государство на политической карте мира // Вишеградская Европа. Центральноевропейский журнал. 2019. № 1–2. С. 130–147.

7. *Даниш М.* Словаки и Россия // Русский сборник. Исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2006. Т. III. С. 38–108.

8. *Кшинян М.* «В единстве сила!». Штефаник и борьба за единство чехословацкого движения сопротивления в России в 1916–1917 годы // «Запад-Восток». Научно-практический ежегодник. 2017. № 10. С. 104–118. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-104-118

9. *Масарик Т.Г.* Delenda est Austria! // Русская воля. 22.12.1916. № 8.

10. *Мошечков П.В.* Успехи и неудачи миссии Й. Дюриха и М.Р. Штефаника в России: обсуждение вопроса об отправке военнопленных во Францию // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 2. С. 19–28.

11. *Серапионова Е.П.* Чехословацкий корпус в России (1918–1920) // Чешско-словацкий корпус (Чехословацкий корпус). 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2: Чехословацкие легионы и гражданская войны 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. С. 5–28.

12. *Фирсов Е.Ф.* Словацко-русское общество памяти Людовита Штура в России и идея славянского единства // Славянский вопрос: вехи истории. М.: Институт славяноведения, 1997. С. 152–169.

13. *Фирсов Е.Ф.* Борьба за политическую ориентацию чешской и словацкой колонии в России в 1915–1917 гг.: Масарик или Дюрих // Версаль и новая Восточная Европа. М.: ИСБ, 1996. С. 111–135.

14. Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917 гг. М.: Новалис, 2013. 1048 с.

15. Čechoslovak. č. 28. 23.12.1915 (04.01.1916).

16. Čechoslovak. č. 32. 23.1.1916 (05.02.1916).

17. Čechoslovak. č. 33. 5.5.1916 (18.05.1916)

18. *Holotík L.* Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1958. 513 s.

19. *Jesenský J.* Cestou k slobode. Martin: Matica slovenská, 1936. 280 s.

20. *Konečný S.* Náčrt dejín karpatských rusínov. Prešov, 2015. 226 s.

21. *Kováč D.* Muži deklarácie. Martin: Vydavateľstvo Osveta, 1991. 222 s.

22. *Markovič I.* Slováci v zahraničnej revolúcii. Praha: Nákl. Památníku odboje, 1923. 102 s.

23. Za svobodu. Obrazkova kronika csl. revolucniho hnuti na Rusi 1914–1920. I. díl. Praha, 1925. 841 s.

24. *Papoušek J.* Masaryk a naše revoluční hnutí v Rusku. Praha: Svaz národního osvobození, 1925. 32 s.

25. *Pekník M.* K slovensko-českým vzťahom pred vznikom Česko-Slovenska // Slováci v československých légiách (1914–1917–1920). Bratislava: Veda, 2018. 78 s.

26. *Pichlík K.* Zahraniční odboj 1914–1918 bez legend. Praha: Svoboda, 1968. 504 s.

27. *Sidor K.* Slováci v zahraničnom odboji. Bratislava, 1928. 264 s.

28. Slovenské a české krajanské hnitie v USA (do roku 1918). Prešov: Universum, 2014. 137 s.

29. *Šteidler F.* Československé hnutí na Rusi. Informační přehled. Praha: Knihovna Památníku odboje, 1921. 112 s.

30. Vojenský ústřední archiv (VÚA). Fond Odbočka ČSNR v Rusku – 1917–1919. Karton 77. Spisy neevidované, chronologicky řazené. Osobní korespondence Dr. Ivana Markoviče.

REFERENCES

1. Ayrapetov, O.R. (2014) *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne. 1914.* [Russian Empire in the First World War. 1914]. Moscow: Kuchkovo pole.

2. Biryukov, S.V. (2018) The preservation of the Austro-Hungarian Empire by means of federalisation in the interests of the Slavic peoples: a myth or a missed opportunity? *Rusin*. 4. pp. 52–71 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/4

3. Vedernikov, M.V. (2015) Significance of Russia for T.G.Masaryk's foreign policy conception on the eve and during WWI. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 6. pp. 122–129 (in Russian).

4. Vedernikov, M.V. (2017) *Organizovannoe politicheskoe dvizhenie chekhov v Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [The organized political movement of Czechs in Russia on the eve of and during WWI]. History Cand. Diss. Moscow.

5. The State Archive of the Russian Federation. (GARF). Department for the Protection of Public Security and Order in Moscow (Security Department) under the Moscow Mayor] Fund. 63. List 50 (1917). File 24.

6. Hopta, I. & Hoptova, L. (2019) Chekhoslovatskaya Respublika kak novoe gosudarstvo na politicheskoy karte mira [Czechoslovak Republic as a new state on the political map of the world]. *Vishegradskaya Evropa. Tsentral'noevropeyskiy zhurnal – Visegrad Europe. Central European Journal*. 1–2. pp. 130–147.

7. Daniš, M. (2006a) Slovaki i Rossiya [Slovaks and Russia]. In: Ayrapetov, O.R. (ed.) *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection. Studies on the History of Russia]. Vol. 3. Moscow: Modest Kolerov. pp. 38–108.

8. Kšiňan, M. (2017) "There is power in unity!". Stefanik and the struggle for the unity of the Czechoslovak resistance movement in Russia in 1916–1917. *Zapad-Vostok – West-East*. 10. pp. 104–118 (in Russian). DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-104-118

9. Masaryk, T.G. (1916) Delenda est Austria! *Russkaya volya.* 8. pp. 5–6.

10. Moshechkov, P.V. (2018) Successes and Failures of the Mission of J. Durich and M. R. Stefanik in Russia: a Discussion of the Issue of Sending Prisoners of War to France. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya – History Magazine: Researches*. 2. pp. 19–28 (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0609.2018.2.23607

11. Serapionova, E.P. (2018) Chekhoslovatskiy korpus v Rossii (1918 – 1920) [Czechoslovak Corps in Russia (1918–1920)]. In: Efimenko, A.R. (ed.) *Cheshsko-slovatskiy korpus (Chekhoslovatskiy korpus). 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak Corps (Czechoslovak Corps). 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 5–28.

12. Firsov, E.F. (1997) Slovatsko-russkoe obshchestvo pamyati Lyudovita Shtura v Rossii i ideya slavyanskogo edinstva [Ludovit Štur's Slovak-Russian Society in Russia and the idea of Slavic unity]. In: Dostal, M.Yu. (ed.) *Slavyanskiy vopros: vekhi istorii* [The Slavic Question: Milestones of History]. Moscow: Institute for Slavic Studies. pp. 152 – 169.

13. Firsov, E.F. (1996) Bor'ba za politicheskuyu orientatsiyu cheshskoy i slovatskoy kolonii v Rossii v 1915–1917 gg.: Masarik ili Durich [The struggle for the political orientation of the Czech and Slovak colonies in Russia in 1915–1917: Masaryk or Durich]. In: Malkov, V.L. & Grishina, R.P. (eds) *Versal' i novaya Vostochnaya Evropa* [Versailles and the New Eastern Europe]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies. pp. 111–135.

14. Efimenko, A.R. (ed.) *Cheshsko-slovatskiy korpus (Chekhoslovatskiy korpus). 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak Corps (Czechoslovak Corps). 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: Kuchkovo pole.

15. *Čechoslovak*. (1915) Vol. 28. 23rd December. (4th January 1916).

16. *Čechoslovak*. (1916a) Vol. 32. 23rd January. (5th February 1916).

17. *Čechoslovak*. (1916b) Vol. 33. 5th May. (18th May 1916).

18. Holotík, L. (1958) *Štefánikovská legenda a vznik ČSR* [Štefánik legend and the origin of Czechoslovakia]. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

19. Jesenský, J. (1936) *Cestou k slobode* [Trip to Freedom]. Martin: Matica slovenská.

20. Konečný, S. (2015) *Náčrt dejín karpatských rusínov* [Brief history of Carpatho-Rusins]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove.

21. Kováč, D. (1991) *Muži deklarácie* [Men of declaration]. Martin: Vydavateľstvo Osveta.

22. Markovič, I. (1923) *Slováci v zahraničnej revolúcii* [Slovaks in the foreign revolution]. Prague: Nákl. Památníku odboje.

23. Masaryk, T.G. (ed.) (1925) *Za svobodu. Obrazkova kronika csl. revolucniho hnuti na Rusi 1914-1920* [For freedom. Picture chronicle of Czechoslovak revolutionary movement in Russia]. Vol. 1. Prague: O. Vaněk.

24. Papoušek, J. (1925) *Masaryk a naše revoluční hnutí v Rusku* [Masaryk and our revolution movement in Russia]. Prague: Svaz národního osvobození.

25. Pekník, M. (2018) K slovensko-českým vzťahom pred vznikom Česko-Slovenska [On Slovak-Czech relations before the establishment of Czech-Slovakia]. In: Hronský, M., Vrábel, F., Goněc, V. & Pekník, M. *Slováci v československých légiách (1914–1917–1920)* [Slovaks in Czechoslovak legions (1914–1917–1920)]. Bratislava: Veda.

26. Pichlík, K. (1968) *Zahraniční odboj 1914–1918 bez legend* [Foreign resistance 1914–1918 without legends]. Prague: Svoboda.

27. Sidor, K. (1928) *Slováci v zahraničnom odboji* [Slovaks in foreign resistance]. Bratislava: Nákl. vlastným.

28. Kucík, Š. & Vaculík, Ja. (2014) *Slovenské a české krajanské hnitie v USA (do roku 1918)* [Slovak and Czech fraternity movements in USA]. Prešov: Universum.

29. Šteidler, F. (1921) *Československé hnutí na Rusi. Informační přehled* [Czechoslovak movement in Russia. Information overview]. Prague: Knihovna Památníku odboje.

30. *Box 77. Spisy neevidované, chronologicky řazené. Osobní korespondence Dr. Ivana Markoviče* [Box 77. Files not registered, chronologically arranged. Personal correspondence of Dr. Ivan Markovič]. The Central Mlitary Archive (VÚA). Fond Odbočka ČSNR v Rusku – 1917 – 1919 [Fund ČSNR branch in Russia – 1917 – 1919].

Ведерников Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Европы РАН (Россия).

Mikhail V. Vedernikov – Institute of Europe RAS (Russia).

E-mail: vishma@mail.ru